

УДК 1 (091)

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ Х. УАЙТА: ПРОШЛОЕ И НАРРАТИВ¹

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Автор отмечает, что Х. Уайт рассматривает проблемы повествования в истории, связи языка с исторической репрезентацией. Характеризуя историческое письмо как сочетание фактов и вымысла, он указывал, что составление нарратива о реальных событиях представляет собой процедуру конструирования, поскольку наборы событий, обнаруживаемые в исторических источниках, в реальной жизни, не принимают форму историй. Определяется, что Х. Уайт выделяет два способа обращения с прошлым: историческое прошлое и практическое прошлое.

Ключевые слова: история, прошлое, нарратив, риторика, историческое прошлое, практическое прошлое.

Понимание истории как текста, проблемы повествования и его создания исследовались одним из наиболее известных представителей риторического подхода к историческому нарративу – Хейденом Уайтом. До него историописание ограничивалось перечислением великих историков прошлого и кратким изложением их сочинений, при этом исторические тексты не были проанализированы на лингвистическом уровне.

Подход Х. Уайта к историописанию и историческому нарративу был во многом инспирирован его преподавателем в университете Уэйна – У. Боссенбруком, который представлял историю, прежде всего как историю столкновения идей, ценностей и мечтаний, указывая, что диалектические отношения возникают только между концептами, а не материальными вещами. «Боссенбрук научил меня, что история – это история сообществ (наций, социальных групп, семьи и т. д.), определяющих самих себя как противоположные друг другу, хотя в действительности между ними есть только различия. Он научил меня оценивать особенности различий и оппозиций; поскольку существует «история», существуют только отдельные лица – единичные или коллективные, в зависимости от обстоятельств. И, наконец, поскольку в истории есть только отдельные личности, сама история должна оставаться тайной, над которой необходимо размышлять, а не загадкой, которую нужно разгадать» [19].

Историк по образованию, Х. Уайт обращается к проблеме создания истории, поскольку ее написание и причины изучения прошлого более привлекали его внимание, нежели само исследование прошлого [4]. Предмет истории – это прошлое, являющееся довольно проблематичным для изучения. Прошлое – это царство мертвых, или, «как говорил Хайдеггер, область того, что однажды существовало» [20, р. 333].

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047-ОГН.

Прошлое с точки зрения настоящего является местом фантазирования, беспокойства, надежды, сожаления. «Историки, конечно, могут вдохновляться мечтой об истинной и законченной картине прошлого и по мере сил создавать ее. Она всегда остается идеалом, а не реальностью» [4]. С точки зрения Х. Уайта, не существует нерелятивистских интерпретаций исторической реальности, так как каждая из них опосредована видом языка, посредством которого историк предлагает свое оригинальное описание исторического поля, приоритетное к любому предлагаемому анализу, объяснению или интерпретации [14].

Х. Уайт соглашается с Н. Фраем относительно того, что история это – вербальная модель последовательности событий, внешней по отношению к разуму историка, и является сторонником риторического похода к историческому нарративу. Х. Уайт, как и А. Данто, рассматривает «факт» как «событие в процессе описания», т.е. как лингвистический или дискурсивный вымысел. Проводя дефиницию исторического факта и исторического события, Уайт под историческим фактом понимает концептуальное конструирование в мысли и фигуративное в воображении того, что произошло. Исторический факт существует только в мысли, языке или дискурсе. Событие – это то, что произошло в реальности и было отражено в документальных источниках. Факты конструируются, а события происходят [6, с. 10–11]. Все исторические факты являются событиями, но не все исторические события являются историческими фактами [18]. Однако Х. Уайт не говорит о том, что события могут существовать исключительно лингвистически, отмечая, что исторические факты создаются на основе документов, «если быть точными, они не приходят как данные или представленные как факты в документальной записи» [13]. В целом воззрения Х. Уайта близки как позиции П. Рикёра: историческое событие – это реальное событие, способное служить элементом «сюжета» [5], так и представлениям Л. Минка: историческое событие – это событие, которое можно правдиво описать таким образом, чтобы оно выступало в качестве элемента повествования [10]. Событие не может войти в историю, пока оно не будет установлено как факт. Из чего можно сделать вывод: события случаются, факты устанавливаются. Факт может быть истолкован как событие в речи или письме и в этом смысле воспринимается как событие. Но факты – это события особого рода: это события в речи, которые относятся как к другим речевым событиям, так и к иным видам событий за пределами или вне речи [19, р. 45].

Далее Х. Уайт проводит разграничение фактов в духе Л. Витгенштейна, выделяя «атомарные», или отдельные факты, и «молекулярные», или макрофакты – такие, как «Русская революция 1917 г.», или «значительные» факты, например «Ренессанс». Все это позволяет представить широкий спектр «исторических фактов», которые составляют ту «историю», которая является предметом изучения «историков» [ibid, р. 46].

Конкретно исторические события, по Х. Уайту, не могут произойти до того момента, когда начинает существовать специфически исторический вид знания, поскольку у них не было оснований или контекста, который демонстрировал бы их новизну. Более того, событие не обязательно должно быть новым, оно может быть зафиксировано в легенде, фольклоре или мифе. Следовательно, с историческим событием неразрывно связана проблема идентификации его ис-

торичности, создания повествования и демонстрации того, насколько оно соответствует структуре или конфигурации контекста, в котором появляется [ibid, p. 50–51].

Все это подразумевает, что события не создаются «историческими» исключительно благодаря тому, что они действительно произошли. Для того чтобы данное единичное событие, набор или серия событий были квалифицированы как «исторические», они должны быть достоверно описаны, как если бы они имели атрибуты элементов в сюжете истории. Можно сказать, что, если мифы, вымышленные истории и истории в целом разделяют общую форму (рассказ, басня, сказка, притча, аллегория и т. д.), они также разделяют и общее содержание, которое Ф. Анкерсмит именовал нарративной субстанцией [1] в ранний период творчества. Понятие «нарративной субстанции» позволяет отметить, что историческое событие, в отличие от естественного события, может быть рассказано [19, p. 53].

Фактически Х. Уайт создает новую философию истории на основе пострессансной риторической теории – теории тропов или фигур. Риторику Х. Уайт рассматривает скорее как теорию о том, как действует язык, нежели теорию о том, что есть язык. Используя методы риторики, историки стремятся убедить читателя, что их восприятие истории более правильное, более объективное, чем иные версии, и, таким образом, формируют определенное отношение читателей к прошлому и настоящему. Тропологическое прочтение, ассоциируемое Х. Уайтом с риторикой, позволяет выявить доминирующий троп в нарративе, а затем продемонстрировать, каким образом лингвистические средства формируют структуру мысли. По мнению философа, именно риторическая теория метафорического преобразования выступает моделью для теории воплощения человеческого сознания в истории и позволяет соединить историю и риторику в неразрывной связи. Х. Уайт, следуя за Дж. Вико, настаивал, что тропы являются не только фигурами речи, но и фигурами мысли, аналогичными когнитивным формам сознания. В этой связи процесс понимания осуществляется благодаря использованию основных форм фигурации, выделенных в риторической теории, – метафоре, метонимии, синекдохе, иронии. Именно эти четыре тропа являются замкнутым кругом, определяющим сознание и конституирующим исторический дискурс.

Историческое повествование, по Х. Уайту, обладает всеми классическими риторическими элементами и методами, такими, как создание аргументов, организация дискурса и формирование истинных утверждений. Историю можно сравнить с *illusio* Аристотеля, она связана с вещами условными и непрозрачными, и поэтому может быть только продемонстрирована, но не доказана. Рассмотренная с этой точки зрения, история в силу недоступности прошлого не имеет ни окончательного объекта исследования, ни универсальных методов исследования. Как отмечает К. Дженкинс, исторический дискурс Х. Уайта относится к сфере риторики и непосредственным образом связан со способностью аргументирования. Цели истории также риторические – она нацелена на то, чтобы «исследовать действительные и очевидные средства убеждения» [9].

Обратимся к проблеме восприятия Х. Уайтом истории и прошлого. Во-первых, он рассматривает историю как конструкт, созданный на Западе, в то время как другие культуры соотносили свое прошлое способами, отличающимися от данной модели исторического пути [18]. Во-вторых, философ говорит

о сконструированном характере модели исторического процесса [6, с. 317–318]. В-третьих, сам по себе термин «история» – это скорее концепция, нежели материальное воплощение. Она может описывать прошлое или «временной процесс», которые также являются концептами в силу того, что они не обладают материальным воплощением. Прошлое недоступно для восприятия, но узнается по следам или материальному воплощению, которые подразумевают тот факт, что «что-то» произошло в определенном месте или совершило какое-то действие. Что это было – остается тайной, разрешение которой осуществляется посредством логического вывода или интуитивного понимания, т.е. является гипотетическим, предположительным и остается исключительно возможностью или «вымыслом» [19].

Вымысел Х. Уайт понимает в духе И. Бенгама – как своего рода конструкцию, основанную на гипотезе, нежели манеру письма или мышления относительно воображаемой или фантастической целостности [ibid]. Вымысел – это реконструкция или предположение о том «что, вероятно, произошло» или может произойти в определенное время и в определенном месте, в настоящем, в прошлом или даже в будущем.

Размышляя над условиями возможности научного познания прошлого, а именно того факта, что прошлые события, процессы, институты, люди и вещи более не воспринимаются и не могут быть непосредственно познаны, Х. Уайт приходит к выводу, что профессиональные историки ограничивают себя в выводах относительно прошлого, создавая фрагментарную картину, требующую художественной доработки.

Обращаясь к проблеме различия реального и воображаемого, Х. Уайт отмечает, что любое прошлое, состоящее из более не воспринимаемых событий, процессов, структур, может быть репрезентировано в дискурсе посредством воображения [12, р. 3]. Очевидно, что разделение факта и вымысла в акте прочтения дискурса любого рода происходит не так легко. Форма истории подразумевает под собой определенную степень ценностной оценки относительно того, что указывалось в качестве референта. То есть один и тот же набор событий может быть воплощен как трагедия или роман, в ироническом или сентиментальном ключе. Способ и манера выражения, выбор лексики и тропы грамматики окрашивают презентацию и устремляют восприятие в определенных направлениях [19, р. 19–20].

Х. Уайт заинтересован в исследовании связи истории и литературы. Как и многие историки, он впервые столкнулся с прошлым в историях о подвигах рыцарей в доспехах, королях, крестовых походах и сражениях; в балладах о Робин Гуде, Песни о Роланде, Артуровском цикле, мифологии скандинавов и греков и, конечно же, истории Древнего Рима. Различие между историей и вымыслом растворялось в повествовании и магии анимации, которая позднее будет обнаружена в фильмах, где «история» представляется в образах героев и героинь, знати и плебса, волшебников и колдунов и, конечно же, любви и страсти: «Я не путал истории, рассказанные в книгах и фильмах, с реальностью, и теперь я думаю, что это было потому, что я понимал, что, будучи рассказами о прошлом, они не могли быть частью той же реальности, которая представляет собой настоящее» [ibid].

В более ранних работах Х. Уайт утверждал, что историческое письмо не противостоит литературному письму, а является связанным с ним в духе того,

что Л. Витгенштейн называл семейным сходством. Традиционное историческое письмо (в виде нарратива) напоминает такие жанры художественной литературы, как эпопея, роман, комедия, трагедия и даже миф [ibid, p. 19–20]. Более того, теоретика часто обвиняли в стирании границ между художественными произведениями и историческим нарративом. История не является и никогда не будет являться наукой, с позиции Х. Уайта, а репрезентации историков являются «литературными» (поэтическими и риторическими), т.е. отличными от научного дискурса [6, с. 32].

Отношения между историей и литературой в «Практическом прошлом» он предпочитает рассматривать как отношения между двумя жанрами письменного дискурса, историографии, исторической прозы или письма об «истории» и художественного литературного письма в целом. «Историография – это жанр письма, который относится к категории художественного прозаического дискурса» [19]. В своем уподоблении истории литературе Х. Уайт, как представляется, следует традициям историографии XVII–XVIII вв., признавая художественный характер истории и рассматривая ее как отрасль риторики. По мнению Х. Уайта, представленные исключительно как лингвистические способы выражения истории и романы не отличаются друг от друга. Цель автора романа и исторического сочинения одна – сообщить вербальный образ действительности [21, p. 122]. Историческое повествование, как и художественная литература, предстает перед читателями как правдоподобная репрезентация мира посредством скрытого обращения к сюжетным структурам или архетипическим типам историй, которые предопределены модальностями определенной культуры. Отличия истории и художественной литературы, в свою очередь, следует рассматривать в терминах различия исследования, направленного на создание истины, и исследования, созданного для того, чтобы обеспечить доступ к реальному [15, p. 148].

Рассматривая проблему исторического нарратива, Х. Уайт обращается к исследованиям ведущих европейских и американских теоретиков. Он полагает, что существуют различные типы нарратива и объяснения, исходящие из вида согласованности, которыми наделяются события, располагаемые в соответствии с определенной структурой сюжета [16, p. 65]. Другими словами, нарративные точки зрения объясняют реальные события, приводя их в соответствие определенному типу сюжета: эпическому, комическому, трагическому, фарсу и другим. Этот тип взаимосвязи задается посредством техники создания сюжета. В целом Х. Уайт следует за структурой исторического нарратива Л. Минка, отличительными характеристиками которой являются целостная упорядоченность сообразно с избираемой автором точкой зрения на описываемые реалии и его сюжетной канвой [2, с. 202]. Теоретик, конкретизируя данные воззрения с позиций риторического подхода, указывает, что начало и окончание нарратива являются неизбежно поэтическими конструкциями, зависящими от модальности фигуративного языка. При этом не имеет значения, рассматривается ли мир как реальный или воображаемый, способы его конституирования будут аналогичными [21, p. 98].

По словам Х. Уайта, современные историки трактуют «нарратив» как некий нейтральный контейнер или форму, в которой факты, обнаруженные в исследованиях, могут быть представлены без существенного воздействия на содержание. Продолжая линию аргументации, изложенную в работе «Содержание

формы» [17], Х. Уайт указывает, что нарратив (как и любой дискурсивный жанр) следует рассматривать как «содержимое» само по себе. «Мы можем рассмотреть нарратив как форму вербальной выразительности, определяемую конкретными средствами, техниками и типами отбора, которые порождают “историю” и определяют конкретную семантизацию, различимую в диапазоне сюжетов. Повествовательный акт, изложенный в “трагическом” типе, содержит в себе ряд средств или маркеров, распознаваемых как принадлежащие к сюжетному типу “трагедии”. Их проецирование на конкретную совокупность событий, действий или процессов наделяют значение “трагическим”, а не тем, что порождено каким-то другим сюжетом, таким, как комедия или роман» [19, р. 93]. Компоненты нарратива – экстра-предложения, соотносящиеся не с грамматическим синтаксисом, а синтаксисом использования языка, располагающимся за границами предложения. В нарративе человек подчинен не строгим правилам логической дедукции, а риторическим фигурам, которые изготавливают, а не обнаруживают истину и значение [3].

Проблемы нарратива, наррации, нарративизации и денарративизации, нашедшие свое отражение в модернистской и постмодернистской литературе, не могли не привлечь внимания теоретика. В более ранних работах Х. Уайт рассуждает о нарративе в целом, в «Практическом прошлом» он осуществляет дифференциацию таких понятий, как наррация (акт речи, высказывание, дикция), нарратив (провозглашенный; то, что сказано) и нарративизация («что сказано» в речи; композиция; «наложение» сюжетной формы на серию реальных событий). Наррация связана с голосом, тоном и типом высказывания, предполагаемой степенью владения анализируемыми вопросами, авторитетом говорящего. Продуктом данного речевого процесса является нарратив, сущность которого также модальна, поскольку нарратив предполагает особый тип отношения к тому, о чем говорится, или к референту дискурса. Нарративизация является продуктом воплощения в сюжетном типе событий с целью придания им особой ценности – познавательной, моральной, идеологической, религиозной и т. д. Не всякая наррация является нарративизацией [19, р. 83].

Наделение референта формой рассказа определенного вида или жанра посредством типа построения сюжета придает смысл описываемым в нарративе событиям [ibid, р. 93–94]. Например, Ф. Джеймисон [8] принял концепцию «построения сюжета» (разработанную П. Рикёром) в качестве субституции идеи эстетизации для того, чтобы продемонстрировать элемент «придания формы» (который Х. Уайт, следуя за Н. Фраем, называет «элементом конструирования») в ходе нарративизации реальных событий и действий в историографии [19, р. 94–95].

Историческое повествование, по сути, является сконструированным образованием, содержание которого скорее изобретается, нежели обнаруживается. Стало быть, историк может рассказать различные типы историй об одном и том же наборе событий без каких-либо нарушений критериев истинности на уровне репрезентации фактов [14], а нарративы следует оценивать скорее по степени их согласованности. Говоря словами Р. Рорти, истина – это не качество существующих вещей, а скорее качество определенного способа языкового использования и особенностей языка.

Осуществляя рефлексию относительно прошлого, Х. Уайт вводит две категории анализа, ранее им не концептуализированные – историческое прошлое и практическое прошлое. Историческое прошлое признается как история профессиональными историками, которые решают, что является «надлежащим» историческим и о чем можно рассказать фактическую историю [19]. Х. Уайт, следуя за М. Оукшоттом, указывает, что историческое прошлое является конструкцией, крайне избирательной версией прошлого, понимаемой как совокупность всех событий и субъектов, когда-то существовавших, но исчезнувших и не оставивших свидетельства своего существования. Другими словами, историческое прошлое следует отличать от прошлого как такового – как постоянно трансформирующейся тотальности, частью которой является историческое прошлое, существующее в исследованиях профессиональных историков, которые предназначены скорее для научного сообщества, нежели для широкой публики.

Историческое прошлое, по Х. Уайту, конструируется как самоцель, его «никто никогда не проживал и не испытывал». Оно практически не имеет значения для понимания или объяснения событий настоящего или при прогнозировании будущего [ibid, p. 9]. «Ирония состоит в том, что чем более научными становятся профессиональные исторические исследования, тем они менее полезны для реализации любых практических целей... Современные исторические исследования поистине дианозические по своей цели и методу, скорее созерцательные, чем активные» [ibid, p. 42]. Для профессиональных историков, сосредоточенных на историческом прошлом, исторический процесс – это объект научного изучения, следовательно, цель их деятельности заключается в том, чтобы определить, что действительно произошло, и расширить совокупность научных знаний, которые могут быть получены в соответствии с правилами проведения исторического исследования, преобладающими в данное время и в определенном месте [ibid, p. 75–76].

В повседневной жизни историческое прошлое и знание этого прошлого практически не применяется, поскольку оно не способствует конструированию выводов практического или утилитарного характера. Иным образом функционирует практическое прошлое. Х. Уайт возводит концепцию практического прошлого к поздним работам политического философа М. Оукшотта, который, по Х. Уайту, понимает термин «практический» образом, сходным сформулированному И. Кантом в «Критике практического разума» этическому вопросу «Что я должен делать?». Любые попытки решить данный вопрос подразумевают под собой обращение к прошлому, которое, как возможный источник практических знаний, не является и не может быть «историческим прошлым», доступным только в книгах по истории компетентных историков [ibid, p. 75–76].

Практическое прошлое – это то, что относится к представлениям о «прошлом», которые всегда присутствуют в повседневной жизни. Человек опирается на данное прошлое неосознанно, в целях получения информации, идей, моделей и стратегий для решения всех практических проблем, встречающихся в нынешней ситуации, – от личных дел до грандиозных политических программ. Практическое прошлое сохраняется в виде памяти, воображения, фрагментов информации, формул и практик, выполняемых механически, расплывчатых представлений об истории, используемых для решения таких задач, как «выдвижение на пост президента Соединенных Штатов, оправдание политики войны

или экономической авантюры, планирование вечеринки или отстаивание судебного дела» [ibid, p. 45]

Практическое прошлое М. Оукшотта в определенной степени коррелирует с ситуационной логикой К. Поппера. Х. Уайт, настаивая на прагматике риторики, призывает к развитию ситуационного мышления, так как «истина всегда абстрактна. Вы можете рассмотреть все типы истинностной информации, но они не помогут вам в какой-либо ситуации. Каждая ситуация требует определенного типа подходящего знания» (цит. по: [11]). История не обеспечивает человечество какими-либо ответами, но она дает практику ситуационного мышления, так как демонстрирует различные типы ситуаций, ограниченных во времени и пространстве. Следовательно, история учит мыслить ситуационно.

Итак, практическое прошлое, с позиции Х. Уайта, подразумевает прошлое, наиболее полезное в житейском смысле и релевантное относительно ответа на этический вопрос «Что я должен делать?» здесь, сейчас, в этой нынешней ситуации. Именно это прошлое, нежели историческое, требует нарратива, который связывает настоящее человека или сообщества с экзистенциальным настоящим, в котором содержится суждение и решение вопроса «Что я должен делать?» [19, p. 75–76]. По мнению Э. Доманской, озвученные Х. Уайтом положения можно охарактеризовать как «историографию освобождения», т. е. «мобилизацию потенциала исторической рефлексии при активизировании и усилении способностей, присущих не самой истории, но тем, кто ее изучает» [7, p. 644].

Как указывает Х. Уайт, проблема разграничения практического и исторического прошлого свойственна исторической науке и философии истории на протяжении всей ее трансформации от дискурсивного статуса к научному в начале XIX в. По словам М. Фуко, история всегда – до относительно недавнего времени – функционировала скорее как практический, т. е. этический, дискурс, но не в качестве науки. С момента формирования в Древней Греции, история была задумана как педагогическая и действительно практическая дисциплина. В период Средних веков исторический дискурс признавался разделом риторики, вторичным относительно теологии [19, p. 12]. В Новое время (вплоть до конца XVIII в.) историческое письмо также было направлено на то, чтобы преподавать уроки и обеспечивать модели поведения для людей. Но в XIX в. изучение истории перестало представлять собой какую-либо практическую полезность в той степени, поскольку история приобрела научный статус. Историография искала прошлое, которое можно изучать «ради него самого», как «вещь в себе». История как наука имела своей целью очистить изучение прошлого от любого этического содержания, но в то же время выступала хранителем идеологии национальных государств, подразумевая в некоторой степени и практическое прошлое [19, p. 18–19]. Но в настоящее время, когда требуются суждения и решения, единственной полезной частью прошлого является та, которую Р. Козеллек назвал «пространством опыта», – это хранилище архивных воспоминаний, идей, мечтаний и ценностей, к которому обращается человек, стремясь обнаружить намеки на то, откуда мы пришли, чтобы каким-то образом понять, что мы должны делать со всеми оставленными «обломками» для решения текущих практических проблем [ibid, p. 9].

Х. Уайт отмечает, что практическое прошлое вполне поддается литературному, художественному или поэтическому осмыслению, размывает грань между

фактическим и вымышленным дискурсом. Другими словами, практическое прошлое образовано теми историями, которые оказались неприменимыми в рамках профессиональной историографии по причине их «вымышленности». Следовательно, практическое прошлое оказалось в ведении литературного письма: «Идея литературного письма позволяет не только использовать идею “поэтического” в техническом и аналитическом смысле, но и относиться к вымыслу как разновидности “литературы”» [19]. Примером использования практического прошлого в качестве основного референта является литературный модернизм, фокусирующийся на тех аспектах реального прошлого, с которыми историческое прошлое дел не имеет. Под литературным модернизмом Х. Уайт подразумевает прежде всего модернистский роман, представленный такими образцовыми фигурами, как Дж. Конрад, Г. Джеймс, Дж. Джойс, М. Пруст, Ф. Кафка, В. Вульф и т. д. Другими примерами жанров, соотносящихся с формами обращения с практическим прошлым, являются биография, автобиография, свидетельская литература, модернистский и постмодернистский исторический роман. Представление о «настроении» или атмосфере в Европе после Холокоста в «Аустерлице» Зебальда или послевоенного Ньюарка, штат Нью-Джерси, в «Американской пасторали» Филиппа Рота «историчны», будучи скорее воображаемыми, нежели выстроенными в соответствии с историческими источниками. Однако ни одна из этих работ не может в полной мере считаться вымыслом, хотя все они написаны в художественной манере. Их референтом является история, и они представляют собой прекрасные примеры использования практического прошлого [ibid].

Итак, с позиции Х. Уайта исторический нарратив, как и художественная литература, предстает как правдоподобная репрезентация мира посредством скрытого обращения к сюжетным структурам или архетипическим типам историй, которые предопределены модальностями определенной культуры. Поскольку прошлое доступно только в непрямом и фрагментарном виде, в создаваемой репрезентации исследователь «восполняет» его посредством воображения, выявляя причины и мотивы, которых недостает в исторических данных. Х. Уайт придерживался конструктивистской позиции, стремясь представить описание (на прагматической основе) сложных взаимосвязей между тем, что называется исторической реальностью (прошлым), историческим письмом и вымыслом. В «Практическом прошлом» Х. Уайт выделяет две категории: историческое прошлое и практическое прошлое. Историческое прошлое – это теоретически обусловленная конструкция, существующая в книгах и статьях, опубликованных профессиональными историками по большей части друг для друга, а не для широкой публики. Историческое прошлое конституируется путем выбора из широкого спектра всего человеческого прошлого тех событий, которые устанавливаются как произошедшие в определенном времени и пространстве и могут встраиваться в диахронно организованные сообщения относительно какой-либо проблематики. Подобное знание прошлого, ограниченное типом, в котором историки считают себя способными предоставить доказательства, никогда не помогает с выбором, решениями и действиями, которые человек осуществляет в повседневной жизни. Практическое прошлое, по Х. Уайту, подразумевает под собой интерес иного рода. Он истолковывает термин «практический» в кантианском смысле, как порожденный уникальным человеческим осознанием необходимости что-то делать. К практическому прошлому человек обра-

щается, когда сталкивается с морально-этическим вопросом: «Что я должен делать?». Историческое прошлое в данных ситуациях не может оказать помощь, потому что самое большое, что оно может – это подсказать, что люди, находящиеся в определенном пространстве и времени, делали в своей ситуации. Практическое прошлое, включая в себя возможность решения проблем, выбора стратегии и тактики жизни, как личной, так и общественной, является хранилищем вытесненной памяти, стремлений и желаний. Это то прошлое, которое используется для принятия решений и осуществления ценностной оценки и морально-этического выбора как в повседневной жизни, так и в экстремальных ситуациях.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Губман Б.Л. Аналитическая и спекулятивная философия истории: от конфронтации к идее сосуществования // Вестник ТвГУ. Сер.: «Философия». 2019. № 1(47). С. 190–207.
3. Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века [Электронный ресурс]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva_white.htm (дата обращения: 02.02.2016).
4. Маликова М. Интервью с Хейденом Уайтом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2006/2/intervyu-s-heydenom-uaytom> (дата обращения: 02.02.2016).
5. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
6. Уайт Х. Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.
7. Domanska E. Hayden White and Liberation Historiography [Electronic resource] URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13642529.2014.959361> (accessed 10.04.2019).
8. Jameson F. The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. N-Y: Cornell University Press, 1982. 320 p.
9. Jenkins K. «Nobody Does It Better»: Radical History and Hayden White Philosophy of History After Hayden White [Electronic resource] URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13642520701838827> (accessed 10.04.2019).
10. Mink L.O. The Autonomy of Historical Understanding [Electronic resource] URL: <http://www.southalabama.edu/philosophy/poston/courses/documents/Mink.pdf> (accessed 10.04.2017).
11. Muchowski J. I Am not Interested in Truth. I Am Interested in Reality. A Conversation with Hayden White. [Electronic resource] URL: http://historyka.edu.pl/fileadmin/user_upload/news/Historyka_41/13_pdf (accessed: 03.03.2016).
12. White H. A Question of Narrative in Contemporary Historical Theory [Electronic resource] URL: <https://www2.southeastern.edu/Academics/Faculty/jbell/white.pdf> (accessed: 03.03.2016).

13. White H. An Old Question Raised Again: Is Historiography Art or Science? [Electronic resource] URL: http://www.culturahistorica.es/hayden_white/historiography_art_science.pdf (accessed: 03.03.2016).
14. White H. Historicism, History and Figurative Imagination [Electronic resource] URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/eng/white_historicism.htm (accessed: 03.03.2016).
15. White H. Introduction: Historical Fiction, Fictional History and Historical Reality [Электронный ресурс] URL: <http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic591072.files/White%20on%20Historiography.pdf>. (accessed: 01.02.2016).
16. White H. Storytelling: Historical and Ideological [Electronic resource] URL: http://faculty2.ric.edu/rfeldstein/521_fall_08_files/storytellinghistoricalandideological.pdf (accessed: 07.03.2016).
17. White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. 264 p.
18. White H. The Historical Event [Electronic resource] URL: <http://differences.dukejournals.org/content/19/2/9.full.pdf> (accessed: 01.02.2016).
19. White H. The Practical Past. Evanston: Northwestern University Press, 2014. 118 p.
20. White H. The Public Relevance of Historical Studies: a Reply to Dirk Moses. // History and Theory. 2005. V. 44. Issue 3. P. 339–347.
21. White H. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. 283 p.

H. WHITE'S PHILOSOPHY OF HISTORY: THE PAST AND NARRATIVE

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

H. White examines the problems of narrative in history and relationship between language and historical representation. Describing historical writing as a combination of facts and fiction, he pointed out that narrative about real events is a construction, since the sets of events found in historical sources in real life don't take the form of stories. In this perspective, it should be emphasized that H. White distinguishes two ways of dealing with the past: the historical past and the practical past.

Keywords: *history, past, narrative, rhetoric, historical past, practical past.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Senior Lecturer of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru